Пепельная любовь

Евгений Фюжен

Евгений Фюжен

Пепельная Любовь

https://litres.ru/73529546
SelfPub; 2026

Аннотация

Пепельная любовь фэнтези-роман о принцессе Селене из царства звёзд, обладающей даром Памяти Небес, и Каэле, бастарде из царства пепла, который поглощает чужие воспоминания. Вынужденные союзом, который должен спасти мир от пробуждения древних гор, они учатся доверять друг другу, несмотря на то, что оба сломанные инструменты в руках судьбы. История о том, как любовь рождается не из идеальности, а из выбора быть вместе, несмотря на страх, боль и неопределённость будущего.

Содержание

Глава 1. Звёзды лгут 4
Глава 2. Пепельный принц 21
Конец ознакомительного фрагмента. 45

Евгений Фюжен
Пепельная Любовь

Глава 1. Звёзды лгут

Часть I. Пепельный ветер

Селена чувствовала запах гари за двадцать лиг до границы.

Это было неправильно. В Пепельных горах не горело ничего – там не осталось ничего, что *могло* бы гореть. Триста лет назад боги Огня и Света убили друг друга в этих ущельях, и их смерть выжгла всё живое. Теперь там были только пепел, осколки небесного камня и тишина такая плотная, что её можно было разрезать ножом.

Но сейчас, стоя на палубе звёздного корабля «Аврора», Селена вдыхала что-то горькое, едкое, знакомое – запах драконьего топлива, которым разводили огни в Игнисе.

– Ваше Высочество? – голос капитана Галена был осторожным, как и всё в его поведении с ней за последние две недели пути. – Вы бледны.

– Я всегда бледна, капитан. – Она не обернулась, продолжая смотреть на горизонт, где серое небо Астралии встречалось с багровым небом Игниса. – Это модно в моём королевстве.

Она солгала. В Астралии ценили здоровый румянец – доказательство сильной звёздной крови, хорошего кровообращения, способности удерживать магию света в теле. Но капитан не знал этого. Как и не знал, что Селена видела его смерть ещё в порту – упал со снастей, ударился головой, утонул в трюме, наполнявшемся водой во время шторма, которого не было в её звёздных картах.

Она не предупредила его. Не потому что была жестока. Потому что звёзды лгут – не всегда, не намеренно, но лгут. И она больше не знала, чему верить.

Корабль «Аврора» был гордостью Астралийского флота – не потому что был большим или красивым. Он был *умным*. Его дерево помнило каждую звезду, под которым росло; его паруса были вытканы из волос упавших звёздных жриц, чья магия впиталась в шёлк; его якорь был выкован из метеоритного железа, которое пело ночью, когда никто не слушал.

Селена ненавидела этот корабль. Она ненавидела, как он шептал ей сны чужих женщин, чьи волосы стали его парусами. Она ненавидела, как дерево палубы помнило тысячи ног, ступавших по нему, и иногда путало её шаги с чьими-то другими. Она ненавидела, что была здесь единственной, кто слышал эти голоса – потому что её дар, её проклятие Памяти Небес, не различал, чьи воспоминания сохранять.

– Мы входим в зону Пепельных течений, – доложил капитан. – Ещё четыре часа до порта Игниса. Если Ваше Высочество желает отдохнуть перед…

– Я не желаю.

Она наконец обернулась. Гален выглядел моложе своих сорока лет – звёздные путешествия сохраняли, если ты не умирал в них. У него были те глаза, которые Селена научилась узнавать: немного слишком широкие, немного слишком светлые, с призрачным отблеском, как у кошки в темноте. Знак того, что он хоть раз видел то, что находилось за пределами неба – Внешнее, Старшее, То-Что-Было-До-Звёзд.

Она видела такие глаза в зеркале каждое утро.

– Капитан, – она понизила голос, хотя на палубе, кроме них, был только ветер. – Вы были в горах?

– Нет, Ваше Высочество. Никто из живых…

– Я не спрашивала о живых.

Он побледнел. Хорошо. Значит, он понимал, о чём она. Значит, он слышал истории о пепельных – не тех, что рассказывали детям перед сном, а настоящие. О тех, кто выходил из гор, когда «дыхание» начиналось. О тех, кто не убивал, а забирал. О тех, кто оставлял людей пустыми оболочками, сохраняющими форму, но утратившими содержимое.

– Я чувствую запах, – сказала она. – Гари. Драконьего топлива.

– Это… невозможно, Ваше Высочество. В горах нет…

– Я знаю, что там нет. – Она снова посмотрела вперёд, туда, где линия горизонта дрожала от жары, хотя солнце стояло высоко и холодное, как подобает астралийскому небу. – Но я чувствую.

Она не сказала ему главного. Что запах был не просто запахом. Это был *воспоминание* – чужой, чужеродный, ворвавшийся в её разум без приглашения. Чей-то последний момент перед тем, как стать пеплом. Чья-то боль, закристаллизовавшаяся в воздухе настолько сильно, что Память Небес уловила её, как ловила всё, что когда-либо случалось под открытым небом.

Это было новое. Это было неправильное. И это было *раньше срока* – дыхание гор не должно было начаться ещё двадцать дней, когда состоится Союз, когда она и принц Игниса…

Селена остановила мысль. Она не позволяла себе думать о принце как о человеке. Он был функцией. Переменной в уравнении. Точкой пересечения двух магий, где пепел встречался со светом и оба переставали быть смертельными.

Она выучила его имя – Рурик. Она видела его портрет – красивый, как и положено королевской крови, с чертами лица, где смешались резкость южных кланов и мягкость, унаследованная от астралийской прабабки. Она знала, что ему двадцать девять лет, что он командовал Пепельной гвардией три года, что у него был младший брат-бастард, о существовании которого не принято было говорить вслух.

Она не знала, смеётся ли он. Не знала, любил ли он кого-то до неё – хотя договаривались, что оба приходят чистыми, без обязательств. Не знала, боится ли он высоты, темноты, одиночества. Не знала, потому что звёзды не показывали ей

этого. Они показывали только момент Союза – два силуэта, сливающихся в свет, – и то, что было после.

После она не видела. Это было единственное, что давало ей надежду: будущее не было предопределено полностью. Только ключевые точки. Только узлы, через которые должна была пройти нить.

И сейчас один из этих узлов дрожал. Селена *чувствовала* это, как чувствовала запах гари – незримое смещение, будто кто-то дернул за край ткани, которую она пыталась выткать.

– Капитан, – она снова повернулась к нему, и на этот раз позволила страху прозвучать в голосе. Это тоже было оружием. – Ускорьтесь. Полный ветер на все паруса. Мне нужно быть в Игнисе до заката.

– Но течения, Ваше Высочество! Пепельные течения непредсказуемы, если войти в них слишком быстро…

– Я предскажу их.

Она не ждала согласия. Она подошла к носу корабля, встала там, где «Аврора» рассекала встречный ветр, и подняла руки. Паруса над ней затрепетали, узнав магию. Дерево палубы застонало – не от боли, от *ожидания*.

Селена закрыла глаза и позволила Памяти Небес расшириться.

Она увидела всё сразу. Тысячи моментов, когда этот корабль проходил этот путь. Сотни капитанов, принимавших решения. Десятки гибелей – потому что каждый корабль, который ходил под звёздами достаточно долго, рано или позд-

но тонул. Она увидела «Аврору» в будущем – обгоревшую, сломанную, лежащую на дне чужого моря. Она увидела себя – нет, не себя, кого-то похожую, старше, с седыми висками, плачущую над руками, покрытыми ожогами.

И она увидела *сейчас* – узкий коридор в бесконечности возможностей, где ветер дул правильно, где течения открывали проход, где они успевали.

– Три градуса левее, – приказала она, не открывая глаз. – Тридцать ударов сердца – поворот на пять градусов правее. Потом прямо, не сворачивая, как бы ни кричал штурман.

Она слышала, как капитан повторяет её слова матросам. Слышала топот ног, скрип блоков, шелест парусов, натягиваемых невидимой рукой её воли. И всё это время она держала в уме картину – не ту, что показывали звёзды, а ту, что создавала сама. Разницу между ними ощущала физически: одна была *данностью*, другая – *выбором*.

Когда она открыла глаза, Игнис уже был виден.

Город стоял на краю мира – буквально. Триста лет назад, когда боги умерли, земля здесь провалилась, образовав чашу глубиной в лигу. Игнис построили на дне этой чаши, стены его были одновременно зданиями и дамбами, удерживающими пепел от засыпания города. Крыши домов уходили вниз, в тьму, где когда-то была почва. А вверху, на уровне бывшей равнины, тянулся мост – единственный сухопутный путь, и тот был перекрыт воротами из обсидиана и костей драконов.

Селена видела Игнис раньше – на картинах, в звёздных видениях, в воспоминаниях тех немногих астралийцев, кто побывал там и вернулся. Но реальность была… другой. Менее драматичной. Более усталой.

Город выглядел больным. Даже с расстояния она видела, как стены покрыты не характерными для игнисианской архитектуры заплатами – деревянными, каменными, иногда просто грудами мешков с песком. Она видела, что мост не уходил вниз, как должно было быть, а заканчивался обрывом посередине, и к нему был пристроен временный переход – кривой, шаткий, явно не предназначенный для встречи королевской невесты.

И она видела дым. Не костровой, не ремесленный. Чёрный, густой, поднимающийся из центра города – оттуда, где должен был быть дворец.

– Капитан, – её голос звучал чужо, даже для неё самой. – Что сегодня за день?

– Третий день месяца Пепла, Ваше Высочество.

Третий день. Свадьба была назначена на двенадцатый. Девять дней. Она должна была прибыть за неделю до церемонии, чтобы пройти очищение, узнать будущего мужа, привыкнуть к чужому небу, где звёзды светили иначе, где их голоса были глуше, приглушённые пеплом.

Но сейчас, глядя на чёрный дым, Селена знала – знала со всей ужасающей определённостью Памяти Небес, которая никогда не ошибалась в *уже случившемся* – что она опозда-

ла.

Не на девять дней. Навсегда.

Часть II. Пепел на языке

Корабль пришвартовался не в порту – порт был закрыт, забаррикадирован, охраняемый людьми в чёрных плащах без опознавательных знаков. «Аврора» встала на рейде, и Селену доставили на берег на маленькой шлюпке, которую вёз молчаливый человек с лицом, покрытым пепельными ожогами.

Она спросила его имя. Он не ответил. Она спросила, что случилось. Он посмотрел на неё так, будто она сама была пепельной – существом, имитирующим человека, но не достойным слов.

Селена привыкла к таким взглядам. В Астралии её боялись не меньше, чем почитали. Принцесса, которая помнит всё. Которая знает твои секреты, прежде чем ты их произнёс. Которая видела твою смерть и, возможно, не предупредила.

Она не оправдывалась. Она не умела.

На берегу её встретила делегация – если это слово можно было применить к троим истощённым людям в одеждах, явно сшитых из похоронных саванов. Женщина в центре, с седыми волосами и лицом, где красота ещё не успела стереться полностью, сделала шаг вперёд и попыталась поклониться. Её спина не согнулась – или не хотела, или не могла.

– Ваше Высочество, – голос был сорван, перекошен горем. – Я Мелисса Игнис, королева-вдова. Мой сын…

Она остановилась. Селена видела, как женщина собирает слова, как другие собирают осколки разбитой вазы – осторожно, без надежды на то, что получится что-то целое.

– Мой сын Рурик мёртв. Прошлой ночью. Пожар в башне. Он… не успел выбраться.

Селена стояла неподвижно. Она слышала ветер, несущий запах гари от города. Слышала, как волны лизали борта «Авроры». Слышала собственное сердце, бьющееся слишком медленно – она научилась замедлять его в моменты кризиса, чтобы успеть *подумать*.

Она не чувствовала ничего. Это тоже было частью дара – эмоции приходили позже, когда Память Небес заканчивала архивировать событие. Сейчас она была машиной, фиксирующей факты.

Факт первый: Рурик мёртв. Значит, Союз невозможен. Значит, дыхание гор не будет остановлено. Значит, через двадцать дней пепельные выйдут массово, и граница, державшаяся триста лет, рухнет.

Факт второй: королева-вдова лжёт. Не о смерти – в этом не было смысла, проверить слишком легко. Она лгала о *пожаре*. В Игнисе не случалось случайных пожаров. Их драконье топливо горело только тогда, когда его зажигали – и зажигали только жрецы Огня, прошедшие ритуал контроля.

Факт третий: Селена видела Рурика мёртвым. Но не так. Не в огне. Она видела его – и этот момент вспыхнул в её памяти сейчас, когда она позволила себе вспомнить – лежа-

щим на каменном полу, с разбитой головой, в луже не крови, а чего-то тёмного, почти черного. И рядом с ним, склонившись над ним, другого мужчину. Руки этого мужчины были в той же жидкости. Он плакал – или смеялся, она не могла разобрать. И он говорил что-то, что она не слышала, потому что звёзды не передают звуки, только образы.

– Ваше Высочество? – голос Мелиссы дрогнул. – Вы… вас это не касается. Мы понимаем. Договор можно расторгнуть. Вы можете вернуться домой.

Селена наконец пошевелилась. Она подняла руку – не к королеве, а к небу, к серому, затянутому облаками небу Игниса, где звёзды прятались днём, но всё ещё были там, всё ещё светили, всё ещё *помнили*.

– Я вижу его, – сказала она. – Я вижу Рурика.

Мелисса вздрогнула. Двое мужчин позади неё – советники, судя по одежде, или военачальники – переглянулись.

– Ваше Высочество, – одному из них, высокому, с лицом, покрытым ритуальными шрамами, удалось найти голос. – Вы не можете видеть мёртвых. Это не ваш дар. Это дар…

– Я не вижу мёртвых, – перебила Селена. – Я вижу *прошлое*. Я вижу то, что случилось под этим небом. И я вижу, что ваш принц умер не в огне.

Она опустила руку и посмотрела прямо в глаза королеве. В них не было страха – только усталость, бездонная, как чаша, на дне которой стоял город.

– Кто убил его? – спросила Селена. И добавила, потому

что знала, что это важно, что это ключ к тому, что она видела в звёздах: – И где сейчас тот, кто плакал над его телом?

Молчание затянулось. Ветер принёс новую порцию запаха гари, и Селена вдруг поняла – не Рурика она чувствовала в этом запахе. Рурик умер до того, как огонь начался. Это был чужой дым. Чужая смерть. Или чужая *трансформация*.

– Вы должны уехать, – наконец сказала Мелисса. Не отвечая на вопрос. Не отрицая его. – Сейчас. Сегодня. Это не ваше дело, Ваше Высочество. Это наша…

– Это моё дело, – Селена не повысила голос, но в нём зазвучала та сила, которую давала ей уверенность звёзд. – Потому что без Союза горы проснутся. Потому что ваши пепельные выйдут в мир, и мои звёзды не остановят их. Потому что я видела своё будущее, королева, и в нём я плачу над телом незнакомца, хотя я никогда не плачу над незнакомцами.

Она сделала шаг к Мелиссе, и те двое мужчин встали между ними – не агрессивно, по инерции, по привычке защищать то, что уже разбито.

– Я остаюсь, – сказала Селена. – Я найду того, кто может заключить Союз вместо Рурика. И я узнаю правду о его смерти. Не потому что любила его – мы никогда не встречались. Но потому что звёзды связали меня с этим местом, с этим временем, с этой… – она запнулась, ища слово, – …с этой историей. И я не умею убегать от историй. Я только умею их помнить.

Королева смотрела на неё долго. В её глазах что-то меня-

лось – отторжение, усталость, и потом, неожиданно, что-то похожее на узнавание.

– Вы похожи на неё, – сказала Мелисса тихо. – На мою мать. Она тоже видела то, чего не должна была. Она тоже думала, что это дар.

– Это дар, – ответила Селена.

– Нет, – Мелисса покачала головой. – Это проклятие. И оно убило её. Как убьёт и вас, если вы останетесь.

Она повернулась и пошла к ждущим каретам – не церемониальным, не королевским, просто функциональным, покрытым пылью и пеплом. Перед тем как войти, она оглянулась.

– Тот, кого вы ищете. Тот, кто плакал. Его зовут Каэль. Он… он был близок к Рурику. Слишком близок. И он исчез этой ночью. Мы думаем, что он мёртв. Или что он убийца. Или и то, и другое.

Селена запомнила это имя. Каэль. Она произнесла его про себя, ощущая, как звуки укладываются в паттерн, в ритм, в *значение*. Ка-эль. Два слога. Два удара. Как сердце, замедляющееся перед сном. Как шаги по пеплу.

Она подняла глаза к небу, пытаясь найти там ответ. Но звёзды молчали – или, точнее, говорили слишком тихо, чтобы она могла разобрать слова сквозь пепельный ветер.

Часть III. Город внизу

Игнис встретил её тишиной.

Не мёртвой тишиной пустыни – живой, напряжённой,

полной невысказанного. На улицах были люди, но они двигались быстро, не глядя друг на друга, не разговаривая. Магазины были открыты, но без покупателей. Кузницы дымили, но кузнецы били молотами слишком ритмично, слишком громко – как будто пытались заглушить что-то другое.

Селена ехала в закрытой карете, но она видела сквозь щели в занавесках. И она *чувствовала* – Память Небес работала здесь иначе, чем в Астралии. Там, под чистым небом, она собирала воспоминания как жемчуг – редкие, драгоценные, легко различимые. Здесь, под этим густым, насыщенным пеплом воздухом, воспоминания были повсюду, они липли к ней, как пыль, они забирались в нос, в глаза, в рот.

Она увидела мальчика, бегущего с хлебом, и почувствовала его страх – не страх быть пойманным, страх *вернуться домой*, к отцу, который пил слишком много с тех пор, как мать ушла в горы и не вернулась.

Она увидела старуху, сидящую у двери, и услышала её мысли – не слова, образы: лицо дочери, которую она не видела двадцать лет, потому что та вышла замуж за астралийца и уехала на север.

Она увидела стену, покрытую свежими плакатами – не объявлениями, а *запретами*. «Не зажигать огонь после заката». «Не произносить имя умершего вслух». «Не смотреть в горы, если услышишь пение».

И наконец она увидела дворец.

Он был не таким, как на портретах. Башня, где жил Ру-

рик, действительно выгорела – не полностью, но достаточно, чтобы чёрные следы на белом камне выглядели как ожоги на коже. Остальная часть дворца казалась… сжатой. Собранной вокруг себя, защищающейся. Окна были закрыты ставнями, двери – засовами, сады – выжжены.

Карета остановилась у служебного входа. Не у парадных ворот – королева не хотела, чтобы её видели. Или не хотела, чтобы Селена видела что-то.

– Ваши покои готовы, – сказал один из шрамированных мужчин – теперь она знала, что он командир гвардии, по имени Ворн. – Восточное крыло. Оно… оно не пострадало.

Селена вышла из кареты и сразу почувствовала это. *Неправильность*. Восточное крыло действительно не пострадало от огня, но оно пострадало от чего-то другого. Воздух там был… тоньше. Легче. Как будто кто-то выкачал из него что-то важное.

– Здесь кто-то умер, – сказала она.

Ворн побледнел под шрамами.

– Много кто умер, Ваше Высочество. Это старый дворец.

– Нет. – Она подошла к стене, прикоснулась к камню. И увидела.

Женщина. Молодая, красивая, с волосами цвета пепла – не метафора, реальный пепел, вплетённый в живые пряди. Она стояла у этого окна, третьего слева, и смотрела вниз, в сад. В её руках было что-то – ребёнок, завёрнутый в одежду цвета крови и золота. Она шептала ему что-то, плакала, а

потом…

Память оборвалась. Селена отдёрнула руку, задыхаясь. Это было давно – десятилетия, может быть, века. Но оно было *сильным*. Сильнее, чем большинство того, что она видела. Любовь и отчаяние, сплетённые так плотно, что невозможно было сказать, где кончается одно и начинается другое.

– Ваше Высочество? – Ворн поддержал её локоть, и она не отстранилась – редкость для неё, она не любила прикосновений, они мешали Памяти. – Вы больны?

– Я вижу, – прошептала она. – Я всегда вижу.

Она позволила ему проводить её внутрь, по коридорам, где пахло ладаном и чем-то ещё – химическим, едким, тем, что использовали, чтобы скрыть другие запахи. В её покоях было чисто, слишком чисто, как в гробнице, приготовленной заранее.

Когда Ворн ушёл, заперев дверь снаружи – она услышала щелчок замка, но не возмутилась, – Селена подошла к окну. Оно выходило на внутренний двор, где горела костёр. Не обычный костёр – слишком высокий, слишком белый, слишком *горячий*. Вокруг него двигались фигуры в серых одеждах, и Селена поняла: это кремация. Не одна. Много тел сжигали сразу, чтобы не успели восстать как пепельные.

Она посмотрела вверх, туда, где должны были быть звёзды, но их не было – только пепельные облака, только серое небо, только пустота.

И тогда она позволила себе вспомнить то, что видела в

пути. То, что скрывала даже от себя.

Она видела себя, плачущую. Это было не в Игнисе – или не только здесь. Это было в горах, в Пепельных горах, там, где не должно было быть ничего живого. Она стояла на коленях, и перед ней лежал мужчина. Не Рурик – другой, старше, с лицом, испещрённым шрамами, но не ритуальными. Следы от ожогов. Следы от когтей. Следы от *памяти*, вырванной силой.

Она плакала над ним, и её слёзы падали на его лицо, и где они касались кожи, оставались следы – не ожоги, светящиеся пятна, как от касания звёзд.

Она не знала, кто он. Но она знала, что это было *после*. После Союза, который не состоялся. После смерти, которая должна была быть предотвращена. После выбора, который она ещё не сделала, но уже жалела.

И теперь, стоя у окна в чужом королевстве, вдыхая запах чужих похорон, Селена Астрис впервые в жизни пожелала, чтобы звёзды молчали. Чтобы они не показывали ей будущее, которого она не понимала. Чтобы она могла быть слепой, как все остальные – видеть только настоящее, только то, что перед глазами, только то, что можно изменить.

Но звёзды не молчали. Они шептали ей имя – Каэль, Каэль, Каэль – и обещали, что она встретит его. Обещали, что он будет ключом. Обещали, что он разрушит её или спасёт, и она не узнает, что из этого, пока не будет слишком поздно.

Селена закрыла глаза. И в темноте за веками она увидела

его лицо – не то, что было в видении о Рурике, другое. Моложе. Страшнее. С глазами цвета пепла, где должны были быть радужки, и с ртом, сжатым в линию, которая не знала улыбок.

Она не знала, кто он. Но она знала, что будет искать его. Что найдёт. Что не отпустит.

Потому что звёзды так сказали. А звёзды не лгут.

Они просто не говорят всей правды.

Глава 2. Пепельный принц

Часть I. Кровь на пороге

Селена не спала. В Игнисе это было почти нормально – ночь здесь была короткой, искусственной, вырезанной из пепла и драконьего жира, который горел в фонарях слишком ярко, слишком оранжево, слишком *живо*. Она лежала на кровати, которая помнила десятки спин, и слушала, как дом шепчет ей их истории.

Женщина, умершая при родах в этом помещении триста лет назад – её крик ещё витал в балках потолка, застывший, как янтарь с насекомым. Мужчина, прятавший здесь любовника от королевской гвардии – его страх пах ладаном и потом. Ребёнок, проснувшийся среди ночи и увидевший призрака у окна – но призрак оказался просто луной, а ребёнок вырос и стал жрецом, который запретил говорить о мёртвых вслух.

Селена открыла глаза. Потолок был низким, сводчатым, украшенным фресками, которые время превратило в пятна – она различала только контуры: крылья, пламя, руки, протянутые вверх. Не к небу. К тому, что было *до* неба.

Она встала, не зажигая свет. Её ночная рубашка – астралийская, привезённая с собой, белая, как полотно для погребальных обрядов – светилась в темноте собственным слабым сиянием. Звёздная ткань. Она никогда не носила ничего

другого, даже спать. Это было не тщеславие – это была *броня*. Память Небес работала лучше, когда она была окружена тем, что помнило небо.

Дверь была заперта, как она и ожидала. Но окно – нет. Королева, или кто-то другой, решил, что третий этаж достаточно высок, чтобы держать пленницу.

Они не знали, что Селена училась падать ещё до того, как научилась ходить. В Астралии это был обычный навык для детей звёздной крови – падать, доверяясь ветру, позволяя ему удерживать, пока ты находишь точку равновесия между притяжением земли и отталкиванием неба.

Она спустилась по водосточной трубе, которую нашла, высунувшись из окна. Металл был горячим – не от солнца, от чего-то другого, от того, что текло под землёй Игниса, от дыхания драконов, умерших, но не ушедших. Её ладони обгорели, но зажили, прежде чем она достигла земли. Звёздная кровь. Мелкое преимущество, которое она никогда не ценила, пока не понадобилось.

Сад был пуст. Не опустошён – именно пуст, как будто его никто не посещал, не любил, не помнил. Деревья росли криво, к земле, их ветви были покрыты не листьями, а чешуёй – пережитком тех времён, когда здесь водились драконы, и растения адаптировались, подражая хозяевам.

Селена шла к центру, туда, где днём горел костёр. Теперь там была только зола, белая, как снег, и что-то чёрное, торчащее из неё – кость, или обсидиан, или то и другое вместе.

Она не прикасалась. Память Небес не требовала прикосновений для работы, но она усиливалась ими, и сейчас Селена не хотела усиления. Она хотела *тихо* понять, где находится, прежде чем кто-то обнаружит её побег.

– Вы не должны быть здесь.

Голос пришёл отовсюду и ниоткуда – из тени дерева, из шелеста чешуйчатых листьев, из самой золы под ногами. Селена не вздрогнула. Она привыкла к неожиданным голосам – они преследовали её с детства, отголоски прошлого, просачивающиеся в настоящее.

Она обернулась медленно, давая себе время увидеть.

Он стоял у основания статуи – или того, что осталось от неё. Было время, когда это была фигура богини, но пепел и ветер стёрли лицо, руки, всё, кроме общего контура: женщина, протягивающая что-то вверх. Сейчас там, где должна была быть голова, сидела птица – не ворона, что было бы банально, что-то другое, безглазое, с клювом, изогнутым как серп для жатвы душ.

Человек был моложе, чем она ожидала. Или старше – трудно сказать. Его лицо было… непостоянным, как вода, меняющаяся при каждом движении фонаря за забором. То он казался мальчиком, испуганным и озлобленным, то стариком, уставшим от всего, то – и это было худшее – он выглядел как отражение в разбитом зеркале, собранное из кусков, которые не совпадали.

– Я не сплю, – сказала Селена, потому что это было пер-

вое, что пришло в голову. – Это не сон.

– Я знаю. – Он сделал шаг вперёд, и птица на статуе взлетела, не издав звука. – Я знаю, кто вы. Вы та, что помнит. Принцесса звёзд, приехавшая спасти мир от пепла.

– Я приехала заключить Союз.

– То же самое. – Он усмехнулся, и звук был неприятным – как будто кто-то ломал ветки внутри его груди. – Союз – это спасение. Для вас. Для нас – это цепь. Ещё одна.

Селена наконец увидела его чётко. Высокий, широкоплечий, одет в то, что было когда-то формой Пепельной гвардии – чёрное с красным, но выцветшее, выгоревшее, испещрённое дырами, которые могли быть от пуль, от когтей, от собственных пальцев. Его волосы были цвета пепла, как у женщины в её видении у окна, и глаза…

Глаза у него не было. Точнее, было что-то вместо них – тёмное, блестящее, как обсидиан, но живое, движущееся, *смотрящее*. Или нет. Или смотрящее куда-то другое, не на неё, не в это время.

– Вы Каэль, – сказала она. Не вопрос.

Он замер. Впервые с их встречи он выглядел по-настоящему удивлённым – или испуганным. Разницу Селена не могла различить, не зная его достаточно хорошо. Пока что.

– Откуда…

– Я видела вас. – Она подошла ближе, нарушая все правила этикета, все правила безопасности, все правила здравого смысла, которым её учили. – В видении. Вы стояли над те-

лом Рурика. Вы плакали. Или смеялись. Я не могла понять.

Он отступил на шаг. Потом на второй. Его спина коснулась статуи, и он вздрогнул, как будто она обожгла – или как будто *он* обожг её, своим присутствием, своей неправильностью.

– Вы не должны были видеть, – прошептал он. – Никто не должен был видеть. Это было… личное. Это было *моё*.

– Я забираю личное, – сказала Селена. Не гордясь этим, не сожалея. Просто констатируя факт. – Это мой дар. Или проклятие. Я ещё не решила.

Они смотрели друг на друга – она на него, он куда-то мимо неё, в точку за её спиной, где, возможно, видел то, чего она не видела. Память Небес шептала ей: *он не человек. Не полностью. Что-то другое, смешанное, незавершённое. Опасное. Важное.*

– Почему вы здесь? – спросила она. – Вас ищут. Королева думает, что вы убийца. Или мёртвый. Или и то, и другое.

– Она права. – Он наконец посмотрел прямо на неё, и она увидела, что в его обсидиановых глазах есть что-то ещё – глубже, дальше, искра, которая могла быть светом, а могла быть отражением огня. – Я убил его. Не ножом, не ядом. Я… забрал. Это то, что я делаю. Что я *есть*.

Он поднял руки, и Селена увидела, что они покрыты чёрным – не грязью, не краской, чем-то другим, чем-то, что пульсировало слабым светом, когда он двигался пальцами.

– Я поглощаю воспоминания, – сказал он. – Чужие. Ва-

ши. Любые. И каждый раз, когда я это делаю, я теряю что-то своё. Имя матери. Первый поцелуй. Цвет неба в день, когда я понял, что не такой, как все. Я собираю чужие жизни, и своя разсыпается, как пепел.

Он опустил руки. В саде стало очень тихо – даже ветер замер, как будто боялся быть услышанным.

– Рурик был моим братом, – сказал Каэль. – Моим единственным другом. Он знал, что я такой. Он просил меня… в конце. Просил забрать. Потому что то, что он знал, было хуже смерти. И я забрал. И теперь я несу это вместе со всем остальным. И я не знаю, плакал ли я, когда он умирал, потому что я забрал и это тоже. Я забрал свои собственные слёзы.

Селена стояла неподвижно. Память Небес работала безостановочно, фиксируя каждое слово, каждое движение, каждый оттенок боли в его голосе. Она знала, что должна была чувствовать – ужас, отвращение, страх. Но вместо этого она чувствовала… узнавание.

– Я тоже забираю, – сказала она тихо. – Не так. Не целенаправленно. Но я несу чужие воспоминания. И они тяжелее собственных. Потому что я не могу их понять полностью. Потому что они чужие, и я чужая для них, и мы никогда не сойдёмся.

Она сделала шаг к нему. Он не отступил.

– Покажите мне, – сказала она. – То, что вы забрали у Рурика. Я могу понять. Я могу… удержать. Это то, что я делаю. Я удерживаю то, что другие не могут.

Каэль смотрел на неё долго. В его глазах – настоящих, человеческих, которые мелькали иногда сквозь обсидиан – читалось что-то похожее на надежду. Или на отчаяние. Или на то, как надежда выглядит, когда она умирает.

– Вы не понимаете, – сказал он. – Это не просто воспоминание. Это *знание*. О том, кто убивает принцев. О том, что просыпается в горах. О том, что Союз, который вы хотите заключить, – это не спасение. Это приглашение. Дверь, которую открывают изнутри.

Он протянул руку – ту, что была менее покрыта чёрным, более человеческой. И Селена, не колеблясь, взяла её.

Мир рухнул.

Часть II. Память брата

Она стояла в башне – той самой, что выгорела. Но сейчас она ещё цела, ещё жива, ещё пахнет воском и старыми книгами. Рурик сидит за столом, и он моложе, чем на портрете – или просто уставший по-другому, изнутри, а не снаружи.

– Они знают, – говорит он. Не ей – он не видит её. Он говорит Каэлю, который стоит у окна, спиной к свету. – Они знают, что я нашёл. Они придут сегодня ночью.

– Кто? – голос Каэля другой. Моложе. Менее сломанный. – Кто знает, Рур?

– Жрецы. Матушка. Все, кто хочет, чтобы горы проснулись. – Рурик встает, и Селена видит, что в его руках свиток – старый, хрупкий, с печатью, которую она узнаёт. Печать Первого Союза, того, что был заключён триста лет назад, ко-

гда боги ещё были живы. – Это не договор, Каэль. Это инструкция. Как убить бога. Как использовать его смерть, чтобы открыть дверь. И они хотят, чтобы я стал ключом. Моя кровь – правильная смесь. Астралийская прабабка, игнисианский дед. Я – то, что нужно.

– Тогда бежим. – Каэль делает шаг к брату. – Сейчас. Я заберу тебя, куда угодно. В горы. В Астралию. К ней, к принцессе, пусть она…

– Она приедет слишком поздно. – Рурик улыбается, и это улыбка человека, который уже принял решение. – Я не буду ключом, Каэль. Я не открою дверь. Но я не могу просто умереть – они найдут тело, используют кровь. Мне нужно… исчезнуть полностью. Стёрться. Как будто меня никогда не было.

– Ты просишь меня…

– Я прошу. – Рурик подходит ближе, и Селена видит, что они похожи – не внешне, но движениями, жестами, способом держать голову. Братья. Не по крови – по выбору. – Забери всё. Моё имя в их устах. Мои планы. Мою смерть. Сделай так, чтобы я был пустым, когда они придут. Пустым и бесполезным.

– Я потеряю тебя, – голос Каэля ломается. – Я потеряю всё, что было между нами. Ты станешь чужим. Мёртвым для меня, даже когда будешь дышать.

– Тогда держи это, – Рурик кладёт руку на грудь брата, прямо над сердцем. – Одно воспоминание. Самое важное.

То, что делает меня мной. И когда всё закончится, когда дверь будет закрыта, верни его мне. Если я буду жив. Если нет – оно умрёт со мной, и это тоже хорошо.

Они обнимаются. Селена видит, как Каэль начинает – как *она* начинает, потому что сейчас она в нём, она *есть* его дар, его проклятие, его выбор. Она чувствует, как воспоминания Рурика текут в него, как песок сквозь пальцы, как кровь из раны. Она чувствует вес каждого момента: детство в тени дворца, первую победу на турнире, ночь, когда он понял, что любит не ту, кого должен, страх перед ответственностью, решимость перед лицом смерти.

И она чувствует то, что Рурик сохранил – одно воспоминание, спрятанное, защищённое, переданное в руки брата. Оно горит внутри Каэля, не давая ему забыть полностью, не позволяя стать пустым.

Потом дверь башни открывается. Фигуры в серых одеждах – те же, что жгли тела во дворе. Они входят, видят Рурика, сидящего без движения, с пустыми глазами. Они проверяют пульс – есть, но слабый. Они ищут свиток – не находят, потому что Каэль уже забрал и это, спрятал в себе, в том месте, куда не достаёт даже его собственная жадность.

– Он сломался, – говорит один из серых. – Слишком рано. Бесполезен.

– Сожжём, – говорит другой. – Кровь всё ещё может сработать, если её вызвать огнём.

Они уходят. Каэль стоит у окна, невидимый – он умеет

это, умеет стать частью тени, частью пепла, частью чужого воспоминания. Он смотрит, как уносят брата. Он чувствует, как внутри него что-то рвётся, как поглощённые воспоминания борются с тем, что он сохранил, пытаются сжечь его, сделать частью себя.

И он делает выбор. Он не бежит за ними. Он не спасает. Он сохраняет то, что дал Рурик – одно воспоминание, одну искру, одну надежду. Он становится хранилищем, гробницей, тюрьмой для того, что было его братом.

Селена вырывается из видения, падая на колени в саду. Каэль рядом, тоже на коленях, тоже задыхающийся. Его рука всё ещё в её руке, и она чувствует, как он дрожит – или это она дрожит, или это земля, или это время, которое не выдерживает их обоих.

– Вы видели, – говорит он. Не вопрос.

– Я видела. – Она поднимается, медленно, ощущая, как мир возвращается в фокус: чешуйчатые деревья, зола, статуя без лица. – Он жив. Рурик жив. Они сожгли его, но он был пуст, он не чувствовал…

– Он был жив, – подтверждает Каэль. – Я слышал его сердце. Через связь. Через то, что я забрал. Оно билось ещё два часа после того, как пламя погасло. Потом остановилось. И я… я не мог пойти. Я не мог двигаться. Я просто стоял и чувствовал, как он умирает во мне.

Он смотрит на свои руки – чёрные, пульсирующие, чужие.

– Я забрал его последнее воспоминание. То, что он дал

мне сохранить. Я не удержал. Когда он умирал, оно вырвалось, вернулось к нему. И я не знаю, что это было. Я не знаю, что было самым важным для моего брата. Я потерял его дважды.

Селена подходит к нему. Она не касается – ещё нет, ещё рано, они ещё не знают друг друга достаточно для прикосновений. Но она стоит близко, достаточно близко, чтобы чувствовать тепло, исходящее от него, не магическое, человеческое, раненое.

– Я могу найти, – говорит она. – Если осталось что-то… если в этом саду, в этой земле, в этих стенах есть отголосок. Память Небес улавливает всё, что случалось под небом. И небо было здесь. Оно всегда здесь, даже когда спрятано.

Каэль поднимает на неё свои обсидиановые глаза. В них – не надежда. Не ещё. Но что-то похожее на любопытство. На усталость, которая ищет причину продолжать.

– Зачем? – спрашивает он. – Вы не знаете меня. Вы не знаете его. Это не ваше горе.

– Я приехала заключить Союз, – говорит Селена. – Союз Пепла и Звезды. Рурик мёртв, но дверь всё ещё открывается. Горы всё ещё дышат. И вы… – она делает паузу, собирая слова, – вы единственный, кто несёт в себе обе крови. Ваш отец – астралиец. Ваша мать – игнисианка. Вы такой же смешанный, как должен был быть ребёнок моего Союза. Вы – ключ, Каэль. Не добровольно, не желанно, но вы. И я не могу позволить вам исчезнуть, пока мир не спасён. А потом… –

она почти улыбается, горько, по-новому для себя, – а потом вы можете исчезнуть сколько угодно.

Он смотрит на неё долго. Потом – смешок, неожиданный, неуместный, настоящий.

– Вы прямолинейны, принцесса. Это… неожиданно. Я думал, звёздные жрицы говорят загадками.

– Я не жрица. – Она отступает на шаг, давая ему пространство, давая себе воздух. – Я инструмент. Как и вы. И инструменты не говорят загадками. Они либо работают, либо нет.

– А я работаю? – он встает, и его движения неуверенны, как у человека, который долго не использовал тело. – Я сломан, принцесса. Я забираю и теряю. Я не контролирую это. Я могу уничтожить вас, просто прикоснувшись слишком долго. Забрать всё, что вы есть, и оставить пустую оболочку. Это не ключ. Это оружие, которое нельзя направить.

– Тогда научитесь, – говорит Селена. – Или позвольте мне научить. Потому что я знаю, что такое нести чужое. И я знаю, как удерживать, не теряя себя. Это всё, что я умею.

Они стоят в саду, среди чешуйчатых деревьев и пепла, под небом, которое не показывает звёзд. Два сломанных инструмента, два проклятия, два способа умирать медленно. И между ними – что-то новое, не названное, не понятое, но уже начавшееся.

Память Небешепчет Селене: *это важно. Это ключевой узел. Не отпускай.*

Она не собирается отпускать.

Часть III. Свет в пепле

Они услышали шаги одновременно – Селена, потому что Память Небес предупредила её о вибрации воздуха, Каэль, потому что он всегда слушал, всегда ждал, всегда был готов бежать.

– Гвардия, – шепчет он. – Они ищут меня. Или вас. Или обоих.

– Меня не должно быть здесь, – говорит Селена. – Меня заперли. Если найдут…

– Я знаю место. – Он хватает её за запястье – его пальцы горячие, слишком горячие для человека, и она чувствует, как что-то пытается просочиться в её кожу, что-то голодное, любопытное, *его*. Но он контролирует это, отступает, оставляя только ощущение присутствия. – Но вам придётся довериться. Полностью. Я должен забрать ваше восприятие времени, пространства. На минуту. Иначе вы не сможете пройти.

– Забрать? – она напрягается, инстинктивно.

– Не навсегда. На минуту. Я верну. Или… – он не заканчивает, и она видит в его глазах страх – не за себя, за неё. За то, что он может сделать.

Селена думает о звёздах. О том, как они показывали ей будущее, которого она не понимала. О плаче над телом незнакомца. О Каэле, стоящем у окна, и о Каэле, стоящем рядом сейчас.

– Делайте, – говорит она.

Он прикасается к её вискам. И мир исчезает.

Не темнота. Темнота была бы простой. Это – *отсутствие*, пустота, где не существует ни света, ни звука, ни ощущения собственного тела. Она плавает в ничем, и это ужасно, и это прекрасно, потому что здесь нет Памяти Небес. Здесь нет чужих голосов, чужих историй, чужой боли. Здесь только она. Только Селена. Только выбор – быть или не быть.

Потом свет. Слабый, красноватый, как закат в Астралии, но другой – тяжёлый, материальный, пахнущий серой и чем-то сладким, почти цветочным.

Она открывает глаза.

Они находятся в… пещере? Нет. В туннеле. Стены из обсидиана, гладкие, как будто расплавленные и снова застывшие. Потолок низкий, она может достать рукой. Пол – пепел, но не сухой, влажный, тёплый, почти живой.

– Где мы? – её голос звучит странно, приглушённо, как будто поглощается стенами.

– Под дворцом. – Каэль стоит рядом, держась за стену, дрожа. Его лицо бледнее, чем было, глаза – более чёрные, менее человеческие. – Это старые пути. Драконьи. Они вели из гор в город, когда ещё были живы хозяева. Теперь… теперь они ведут в никуда. Или куда угодно, если знаешь, как спросить.

Он опускается на колени, тяжело дыша.

– Я забрал слишком много, – признаётся он. – Ваше восприятие, ваш страх, ваше… любопытство. Вы были любо-

пытны, принцесса. Очень. Это питает. Это… вкусно.

Селена смотрит на него сверху вниз. Она должна бояться. Она знает, что должна. Но вместо этого она чувствует… ответственность. Она привела его сюда, в это состояние. Она позволила забрать.

– Верните, – говорит она. – Что вы забрали лишнего. Верните, и возьмите что-нибудь моё взамен. Что-нибудь равноценное. Чтобы баланс сохранился.

Он поднимает голову. В его глазах – удивление. Потом что-то другое. Уважение? Или просто усталость, которая нашла родственную душу.

– Вы понимаете механику? – спрашивает он. – Никто не понимал раньше. Все думали, я просто… вор. Что забираю, потому что могу. Но это обмен. Всегда обмен. Я забираю, и что-то уходит. Я отдаю, и что-то возвращается. Но я не контролирую, что именно. Это как… как жребий. Как звёзды.

– Звёзды не жребий, – говорит Селена. – Они вероятность. Матрица выбора. Если понимаешь законы, можешь вычислить. Можешь направить.

Она опускается рядом с ним, в пепел, который пачкает её белую ночную рубашку. Ей всё равно. Она касается его лица – осторожно, как касаются раны, – и говорит:

– Заберите мой страх. Я не хочу его сейчас. Он мешает думать. И отдайте взамен… ваше усталость. Ту часть, которая хочет сдаться. Я удержу её для вас. Временно. До тех пор, пока не найдём выход.

Он смотрит на неё. Долго. Потом кивает.

Прикосновение – не в виски, в ладони. Он берёт её руки в свои, и она чувствует поток – не painful, не приятный, просто *движение*, как кровь, как дыхание, как время. Что-то уходит из неё – действительно уходит, и она понимает, что не замечала, как сильно боится, пока страх не исчез. Боязнь неизвестности. Боязнь ошибки. Боязнь того, что она не справится, что мир погибнет, что она останется одна с Памятью Небес, которая переполнена чужими смертями.

И приходит другое. Усталость – но не физическая, духовная. Тяжесть многих лет ношения чужого. Ощущение, что каждый новый день – кража, каждое прикосновение – преступление. Желание лечь и позволить пеплу накрыть, поглотить, сделать частью себя.

Селена держит это. Она умеет держать. Она держит тысячи воспоминаний, почему бы не удержать и чужую усталость?

Каэль вздыхает. Не глубоко, как будто впервые за долгое время. Его плечи распрямляются. Глаза – те, что человеческие, – становятся яснее.

– Вы… странная, – говорит он. – Вы приняли это. Не сопротивлялись. Не пытались вытолкнуть.

– Я не сопротивляюсь воспоминаниям, – говорит она. – Я архивирую их. Разделяю на важное и неважное. Вашу усталость я положу рядом с другими тяжёлыми вещами. Она не перегрузит. У меня много места.

Он смотрит на неё так, как никто не смотрел раньше. Не с почтением, которое она ненавидела. Не со страхом, который она привыкла игнорировать. Не с любопытством, которое было инструментом.

Смотрит как на равную. Как на человека, который тоже сломан, но по-другому. Как на возможность, которую он не заслужил, но которая здесь, сейчас, реальна.

– Нам нужно двигаться, – говорит он наконец. – Туннели ведут к горным воротам. Там есть выход, о котором не знает гвардия. Но путь долгий, и…

– И что?

– И там есть пепельные. Не те, что выходят во время дыхания. Старые. Те, кто застрял между мирами, когда боги умерли. Они… не совсем враждебны. Но они голодны. Они ждут, когда кто-то с сильной памятью пройдёт мимо. Чтобы поглотить. Чтобы стать реальнее.

Селена думает. Пепельные. Она читала о них – в запретных текстах, которые звёздные жрицы хранили, но не изучали. Существа из чужих забытых воспоминаний. Не живые, не мёртвые. Желания, принявшие форму. Или формы, утратившие связь с желанием.

– Я могу удержать их, – говорит она. – Не навсегда. Но достаточно, чтобы пройти.

– Вы не понимаете. Они будут пытаться забрать всё. Вашу Память Небес. Ваше имя. Ваше представление о себе. Они сделают вас пустой, как…

– Как Рурик? – она заканчивает за него. – Как вы сделали Рурика?

Он вздрагивает, и она знает, что ранила. Намеренно. Потому что нужно знать, на что он способен. Потому что нужно помнить, что он опасен.

– Да, – говорит он тихо. – Как Рурик. Но он просил. Они не будут просить.

– Тогда мы будем осторожны, – говорит Селена. Она встаёт, отряхивая пепел с рубашки. – Или мы будем быстры. Или мы придумаем что-то другое. Но мы не останемся здесь. Потому что если гвардия найдёт нас вместе, они подумают, что вы похитили принцессу. И если они найдут меня одну, они подумают, что я сошла с ума и сбежала от святого долга. Оба варианта плохи.

Каэль смотрит на неё. Потом – смешок, другой, не тот, что в саду. Легче. Моложе.

– Вы планируете. Даже здесь. Даже сейчас.

– Я всегда планирую. – Она протягивает ему руку – не для помощи, для равенства. – Это всё, что я умею. Планировать и помнить. Иногда – адаптировать план.

Он берёт её руку. Встаёт. И они идут вглубь туннеля, в темноту, где нет звёзд, где нет неба, где Память Небес работает иначе – слабее, или сильнее, она ещё не знает.

Но она знает, что это начало. Не того, что она планировала. Не Союза, который должен был спасти мир. Чего-то другого. Чего-то, что звёзды не показывали, потому что оно ещё

не существовало. Чего-то, что она создаёт сама, шаг за шагом, выбор за выбором.

И впервые за много лет Селена Астрис чувствует что-то похожее на надежду. Не уверенность – надежду. Разницу она понимает теперь, когда несёт в себе чужую усталость, когда видит мир глазами того, кто всё теряет.

Надежда – это когда ты не знаешь, что получится. Но идёшь всё равно.

Часть IV. Голоса в темноте

Туннели менялись. Сначала они были драконьими – гладкими, органическими, словно выточенными изнутри гигантским червём. Потом они стали человеческими – угловатыми, укреплёнными балками, с надписями на стенах, которые Селена не могла прочитать: слишком старые, слишком другие. Потом они стали… чем-то третьим. Ни тем, ни другим. Местом, где пересекались миры, и границы размывались.

Здесь Память Небес работала странно. Она улавливала не прошлое, а *возможности* – моменты, которые могли случиться, но не случились. Люди, которые могли пройти, но выбрали другой путь. Голоса, которые могли произнести слова, но остались немы.

Селена слышала их шёпот. Она привыкла к шёпоту – в Астралии звёзды шептали постоянно. Но там шёпот был линейным, последовательным, как ноты в мелодии. Здесь он был хором, полифонией, касанием тысячи языков одновременно.

– Вы слышите? – спрашивает Каэль. Он идёт впереди, держа в руке кристалл, который излучает слабый красный свет. Он нашёл его в кармане, сказал, что забыл о нём – или забрал у кого-то и забыл откуда.

– Слышу, – отвечает она. – Это не прошлое. Это… потенциал.

– Здесь всё потенциал. – Он останавливается у развилки, осматривая оба пути. Один ведёт вниз, в темноту, которая пульсирует, как дыхание. Другой – вверх, к слабому свету, который может быть выходом, а может быть ловушкой. – Когда боги умерли, они не исчезли полностью. Они разложились на… возможности. На всё, что они могли бы быть, если бы выбрали иначе. Это место – их могильник и их утроба одновременно.

– Вы говорите, как жрец, – замечает Селена.

– Я учился у них. Прежде чем понял, что они хотят использовать меня. – Он выбирает нижний путь, вниз, в пульсирующую темноту. – Этот. Свет – это приманка. Пепельные любят свет.

Они спускаются. Ступени высечены из чего-то, что не похоже на камень – слишком мягкого, слишком тёплого, почти как плоть. Селена старается не думать об этом.

Шёпот усиливается. И теперь она различает слова – или то, что кажется словами.

…она пришла…

…звёздная…

…помнит…

…голодна…

– Они знают вас, – шепчет Каэль. – Они чувствуют Память Небес. Это для них… как запах свежего хлеба для голодного человека.

– Я знаю, – говорит Селена. Она тоже чувствует их – не как голоса, как *отсутствия*. Пустоты в пространстве, которые тянутся к ней, которые хотят быть заполненными её содержимым. – Я готова.

Она не знает, готова ли. Но она знает, что должна быть. Потому что назад пути нет. Потому что Каэль идёт впереди, и он тоже боится – она чувствует его страх через связь, которую создали их обмены. И кто-то должен быть сильным.

Они входят в зал.

Он огромен – невозможно огромен для того, что должно находиться под дворцом. Потолок теряется в темноте. Стены – это не стены, а колонны, идущие вверх бесконечно, каждая увенчанная чем-то, что может быть статуей, а может быть пепельной, застывшей в позе молитвы или угрозы.

В центре зала – свет. Не красный, как у кристалла Каэля. Белый, чистый, почти звёздный. И вокруг него – они.

Пепельные.

Селена видела их на картинах. Но картины лгали, преуменьшали, делали безопасными. Настоящие пепельные не были похожи на людей. Они были похожи на *воспоминания о людях* – размытые, незавершённые, с деталями, которые не

сходились. Одно лицо, два профиля. Руки, которые заканчивались на запястьях. Глаза, которые были ртами, и рты, которые шептали глазами.

Они двигались, но не ходили. Они перетекали, появлялись в одной точке, исчезали в другой, оставляя за собой следы – не в воздухе, в *восприятии*, в памяти о том, что они были здесь.

– Не двигайтесь, – шепчет Каэль. – Не думайте о них. Они питаются вниманием. Воспоминанием о том, что вы их видели.

Но Селена не может не думать. Память Небес фиксирует всё автоматически. Она уже *помнит* их, и эта память – мост, по которому они могут пройти к ней.

Одна из них – или он, или оно – поворачивается. Лицо, которое меняется каждую секунду: старое, молодое, красивое, уродливое, её собственное, лицо её матери, лицо Рурика, лицо Каэля.

Принцесса звёзд, – шепчет оно, и голос идёт отовсюду, из стен, из пола, изнутри её собственной головы. *Ты несёшь так много. Так тяжело. Отдай нам. Мы сделаем легче. Мы заберем боль. Мы заберем страх. Мы заберем одиночество.*

Селена чувствует, как что-то тянется к ней. Не физически – глубже, в то место, где хранятся воспоминания, где живёт Память Небес. Она чувствует, как они просачиваются, как готовятся поглотить.

И она делает то, чего никогда не делала раньше. Она *от-*

крывается. Не защищается, не закрывается, не архивирует. Она позволяет им войти – немного, только край, только то, что она может контролировать.

Они впрыгивают в неё, и она видит их изнутри.

Они не чудовища. Они – *жертвы*. Каждая пепельная – это кто-то, кого забыли полностью. Не умерли – забыли. Их имена стёрлись из памяти всех, кто знал. Их истории исчезли. Они остались без якоря в реальности, и пепел гор заполнил пустоту, дал форму, дал голод – голод быть снова реальными, снова *кто-то*.

Селена видит их истории. Женщина, которая умерла в родах, и муж, который не смог вспомнить её лицо от горя, и дитя, которое выросло без имени матери в устах. Солдат, пропавший в горах, и брат, который не искал, потому что боялся найти. Маг, который сделал себя невидимым, и стал невидимым настолько, что перестал существовать даже для себя.

Они не хотят причинить боль. Они хотят *быть*. Они хотят, чтобы кто-то помнил, даже если это означает быть поглощённым.

Селена делает выбор.

Она не отдаёт свои воспоминания. Она *делится* ими. Не теми, что важны – не матерью, не отцом, не собственной историей. Теми, что нейтральны. Воспоминаниями о небе. О звёздах, которые она видела. О ветре в парусах «Авроры». О запахе ладана в астралийском храме.

Она создаёт для них *якоря*. Временные, хрупкие, но ре-

альные. Моменты, которые они могут удержать, которыми могут быть.

Пепельные замирают. Они не привыкли к дару – только к краже. Они не понимают, что происходит, и в их непонимании – мгновенная ясность, мгновенный покой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.